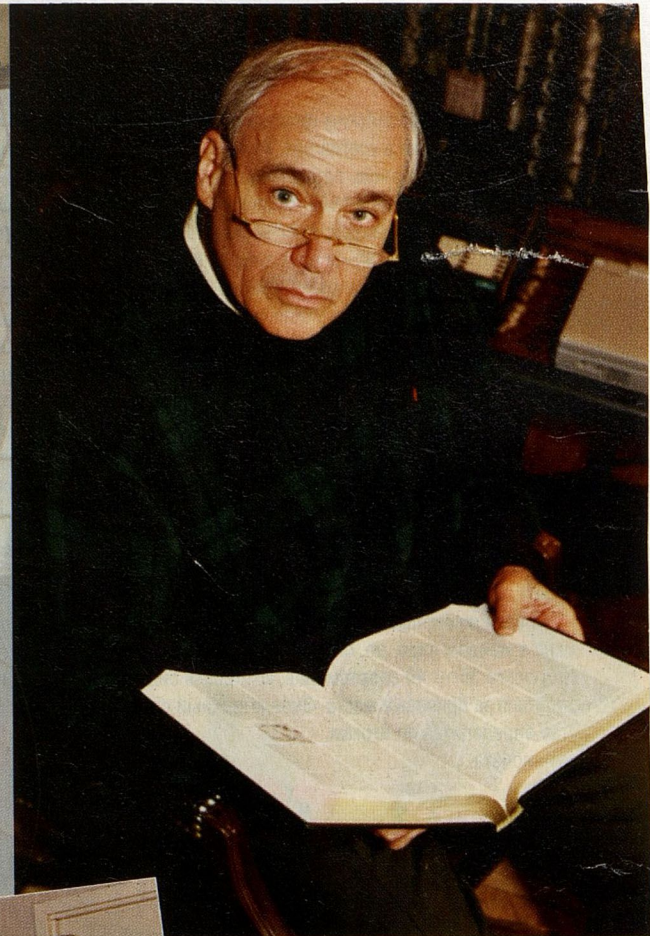

ТВ Парк. - 1997. - 3-9 марта,
Познер Владимир. 46, 47
Мастер — 9.03
97
классы
Владимира
Познера

Родился в 1934 году в Париже. С 1934 по 1952 годы жил в США, потом в восточном секторе Германии. В 1952 году приехал вместе с родителями и братом в СССР. Окончил биологический факультет МГУ. По окончании был литературным секретарем Самуила Яковлевича Маршака. Работал в редакции иновещания на радио. На телевидении — с 1986 года.

Вообще-то, на этих двух полосах можно было бы совсем ничего не писать, оставить только название рубрики «Профессионалы» и поместить большую фотографию Владимира Владимировича. Ибо «профессионал» — лучшая и всеобъемлющая характеристика стиля его жизни, телевизионной карьеры, образа мыслей и манеры поведения. Познер часто начинает фразу словами: «Если вдуматься...»

Так вот, если вдуматься, то становится ясно, что на самом деле абсолютно не важно, понравилась ли нам его последняя программа или нет. В следующий раз мы все равно включим телевизор и будем смотреть, как он это делает. У каждого телеведущего есть свой арсенал средств и приемов, который заставляет зрителя полюбить именно его. Но только такой уверенный в себе человек, как Познер, может поделиться ими с публикой.

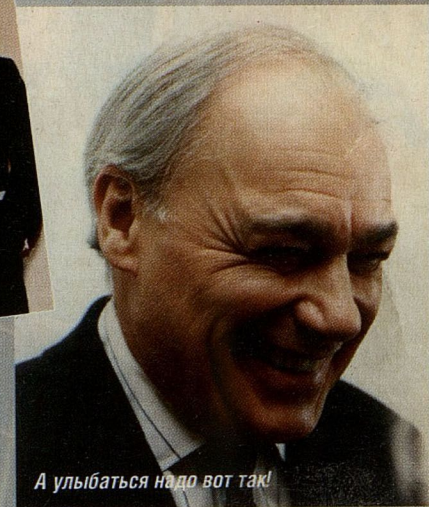
— Нужно обращать внимание на детали. Как показать аудитории в студии, что ты с ними и против гостя? Затесаться среди зрителей и не подходить близко к выступающему. А если подходить, то только с каким-нибудь очень неприятным вопросом. Но при этом, правда, всегда надо помнить, что ты пригласил человека на передачу совершенно не для того, чтобы его оскорблять. Как помочь высказаться зрителю? Можно чуть наклониться, изменить тембр голоса, даже дотронуться рукой до плеча, если чувствуешь, что это не будет ему неприятно. Надо ли демонстрировать свою реакцию на чью-то реплику? Иногда вполне достаточно просто изу-

В приличном обществе: (слева направо) Фия Донахью с женой, Познер и Тернер без жен

мленно поднять брови и все. Нужна ли телезрителю моя оценка происходящего в студии? Не уверен. Важнее разговаривать с людьми, а оценивают пусть сами телезрители.

Итак, теперь каждый может попробовать проделать все это, начиная с простого обывателя и кончая достаточно известными ведущими, если они чувствуют, что им не хватает познеровской интеллигентности и аристократичности жестов. И ничего не получится. У Познера есть то, что называется телевизионным обаянием. Категория эта абсолютно неосознана и, слава Богу, препарированию не подлежит. Слава Богу потому, что иначе Владимир Владимирович попытался бы и собственное обаяние разложить на части, объяснить и упаковать в приемлемую для потребления тару. Ему не жалко, ему хочется, чтобы профессионалов стало больше, и ради этого он готов делиться. Кстати, мне кажется, если бы он не стал телевизионщиком, из него мог бы получиться классный учитель. (Впрочем, у него еще будет возможность попробовать себя в этой роли: вместе с женой Екатериной Михайловной они собираются открыть

А улыбаться надо вот так!

школу телевизионных наук.) Не сомневаюсь, ученикам Познер придется по душе: он любит и умеет объяснять. Мне, например, было непонятно, зачем Президенту Российской телевизионной академии, ведущему нескольких программ на ОРТ, вести еще и двухчасовую программу на радио. А он мне объяснил:

— Я очень люблю радио, оно позволяет гораздо оперативнее реагировать на события. И потом, радио оставляет место воображению. На телевидении есть картинка, которая избавляет от необходимости что-то придумывать и представлять, оно слишком конкретно. И еще радио учит говорить, элементарно договаривать фразы до конца.

Даже страшно представить себе, что будет твориться на радио, если отправить туда всех известных персонажей, срочно нуждающихся в обучении этому сложному искусству: внятно выражать свои мысли. Но это так, к слову. Уж

кто-то, а Познер эту вершину давно покорил. Может быть, еще в свой первый приход на радио. Сейчас даже как-то трудно поверить, что Познер работал на инновации до 1986 года и к нашему телевидению не имел почти никакого отношения до того самого памятного первого телемоста «Ленинград — Сизтл», где он впервые выступил перед телеаудиторией и в пух и прах разбил своего оппонента Фила Донахью. Познера выбрали в качестве ведущего неслучайно. Да, он не работал на телевидении, но был знаменит на радио своим блестящим английским. Кроме того, его знали и за рубежом. Во-первых, у него, у единственного, была своя ежедневная именная программа. Во-вторых, он часто давал интервью иностранным газетам и телекомпаниям, аргументированно споря с противниками социалистического строя. Так что никаких сомнений в Главном управлении внешних сношений ЦТ и лично у начальника управления Валентина Лозуткина не возникло.

На плакате надписи: «Четыре больших говоруна телевидения»

Второй телемост между женщинами Бостона и Ленинграда подарил нам коронную фразу «У нас секса нет» и нового очень странного телевизионного политобозревателя Владимира Познера. Он выглядел непривычно хорошо воспитанным и подозрительно изысканно говорил по-русски. Первые же интервью только еще больше заинтриговали публику: мать — француженка, отец покинул Россию в 20-е годы, жил во Франции, Штатах, всегда интересовался идеями социализма и, в конце концов отказавшись от западных благ, вернулся вместе со всей семьей на родину. Здесь-то Владимир и выучил как следует русский язык, поначалу переводя слова с родного английского. Сумасшедшая история, в жизни так не бывает. Однако человек с такой удивительно несветской био-

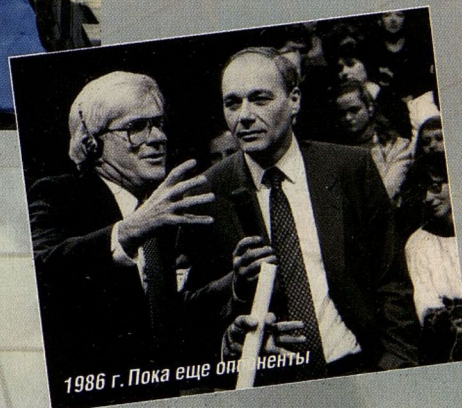
Так работают в Америке

Владимировича, и они уехали. Но не совсем.

— Я категорически не хотел исчезать с нашего экрана. Телевидение — это такой сложный зверь! Стоит только ненадолго исчезнуть, и все, тебе конец как ведущему. Я искал какие-то возможности, одно время на РТР даже выходила наша с Филом программа и передача «Америка Владимира Познера». А потом я пошел к Кире Прошутинской, и мы решили сделать новый проект. Так появилась программа «Мы». И стали мы летать каждый месяц в Москву.

Так что связь с родным телевидением налаживалась, зато неожиданно возникли проблемы на американском.

— Наш контракт надо было возобновлять каждый год. И вот в очередной раз нас приглашает президент кабельного канала «С NBC» и говорит: «Я собираюсь продлить ваш контракт, но есть несколько условий». (Здесь надо сказать, что Фил считается в Америке либералом, там сейчас это ругательное слово, а меня вообще записали в левые.) И начинает нам рассказывать, что мы можем говорить, чего не можем и т. д. Мы встали и ушли.

И больше не вернулись. Интересно, что ничего особенно неприемлемого мы себе не позволяли. Как-то раз, рассуждая об инвенции японских машин на американский рынок, мы сказали, что не надо нападать на японцев, надо лучше делать американские машины. И сразу же обе автомобильные фирмы, дававшие рекламу в нашей программе, ее отозвали. Вот как осуществляется цензура в рыночном варианте, без всяких ЦК и Политбюро. Так что не стоит уж очень всерьез воспринимать разговоры о свободе слова в Америке.

— А американские зрители — они хуже или лучше российских?

— У американцев очень сильна доля «облегченных» развлекательных программ. У нас тоже проявляется эта тенденция. Причем я не считаю, что это делается сознательно какими-то злыми заговорщиками. Надо кушать, надо зарабатывать, сделать это можно только с помощью рейтинговых программ. Все понятно, но в результате может появиться публика, которая на американском телевизионном сленге называется «диванный картофель». А мне кажется, телевидение все-таки должно в первую очередь просвещать. По крайней мере, я не собираюсь выращивать подобные овощи.

Инга Угольникова

Два мастера: кто кого? (тот самый Ларри Кинг)

графией продолжал работать на пока еще советском телевидении. Появились «Воскресные вечера с Владимиром Познером» на московском канале, делались фильмы и передачи на ЦТ, популярность росла. Но идиллия длилась недолго. У него с идиллиями как-то вообще трудно. Еще когда на радио работал, взял да и по-критиковал мягко-мягко нашу позицию по поводу войны в Афганистане. Но в интервью иностранной телекомпании. За границу пускать перестали. На телевидении так все хорошо складывалось, а он возьми да и скажи в очередном интервью: «Я перестал понимать, что делает Горбачев». На что начальство ответило, что оно, в свою очередь, не понимает, что делает Познер на телевидении. Посоветовавшись с женой (все-таки серьезный шаг!), Владимир Владимирович из Гостелерадио ушел. А через пару месяцев позвонил Фил Донахью, превратившийся за это время из экранного врага в хорошего приятеля. И предложил вместе делать передачу в Америке. Жена вновь поддержала Владимира